мещиков. Однако такое соотношение теории и практики отнюдь не означало безоговорочного оправдания последней. Для того чтобы оправдать господство дворянства, теоретик должен был осудить, подвергнуть критике все протекавшие перед его глазами насилия и беззакония, объявить их не следствием принципов, лежащих в основе самого строя, а лишь результатом случайностей, злой воли людей. Сама действительность воспринималась идеологом дворянства лишь как частичное, изуродованное, «загрязненное» воплощение дорогих его сердцу принципов. Быть выразителем дворянства как класса, конечно, не значило стоять на уровне — нравственном и культурном — этого класса, и Сумароков, резко критиковавший современного ему дворянина, вельможу, чиновника и даже деспота-царя, стремился «возвысить» реальный порядок крепостнической монархии до уровня идеально-разумного сословного государства. Для Сумарокова действительность, уже в силу своего грубо-материального характера, не могла полностью выразить теоретические идеалы и подлежала критике.

Необходимо отметить, что эта, субъективно направленная на укрепление дворянского господства критика исторически сыграла двойственную роль: создавая традицию обличения действительности, она способствовала и идейному воспитанию демократической интеллигенции. Сатирики второй половины XVIII века охотно подчеркивали свою связь с сумароковской традицией.

Статья И. З. Сермана «И. Ф. Богданович» является новым словом в изучении этого интересного и значительного поэта, которому советское литературоведение до сих пор уделяло минимальное внимание. В статье убедительно раскрыта как несостоятельность карамзинской легенды о Богдановиче, так и исторические предпосылки возникновения этой легенды. Тонко и интересно выполнен анализ «Душеньки» — автор раскрывает отличие поэмы и от травестийной поэмы классицизма, и от того пути преодоления классицизма, на который встал В. Майков в «Елисее». И. З. Серман считает, что «в основном Богданович должен был действовать самостоятельно, не опираясь ни на какую традицию» (стр. 36). Убедительно раскрыто в статье отличие творческого метода Богдановича от Лафонтена.[11] И. З. Серман приходит к выводу о том, что «Душенька» «стала

[11] Хотелось бы лишь, чтобы вопрос о традиции не только русской, но и западноевропейской литературы был поставлен в статье более широко. Любопытно было бы сопоставить «Душеньку» не только с «Любовью Амура и Психеи» Лафонтена — сравнение напрашивается в силу сюжетной близости поэм, — но и, например, с «Обероном» Виланда.